

В.Н. Крылов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПОЭТИКА НАРОДНИЧЕСКОГО ТРАВЕЛОГА КОНЦА XIX ВЕКА (ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ Ф.Д. НЕФЕДОВА)

Аннотация. В статье рассматривается поздний этап народнической беллетристики начала 1890-х гг. в аспекте актуальной на рубеже веков проблемы углубленного познания России. Предметом непосредственного анализа становятся путевые очерки забытого ныне писателя-этнографа Ф.Д. Нефедова. В статье раскрываются некоторые особенности поэтики народнического травелога (фигура повествователя, композиционный принцип контраста, конфликт в пределах отдельной сцены и т. д.), своеобразие проявления авторской позиции и синтетичность жанровой структуры. По типу построения сюжета травелог Нефедова приближается к рассказу; его сюжет имеет не только локальную привязанность к определенной частной сцене, ситуации, но содержит и сквозное течение, выраженное в попытках героев из привилегированного сословия приблизиться к народу, но их реализация остается за пределами сюжета. В поэтике путевых очерков Нефедова отразились как идеологическая позиция автора, так и зреющие в русской литературе новые тенденции документально-художественных жанров.

Ключевые слова: травелог, народничество, Ф.Д. Нефедов, Россия, повествователь-путешественник, Волга, композиционный контраст.

Сведения об авторе. Крылов Вячеслав Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, ул. Кремлевская, д. 18. Тел.: 89625591640, 221-33-32 (раб.), 229-89-33 (дом.). E-mail: krylov77@list.ru).

Экстенсивность художественного сознания как характерное свойство русской литературы конца XIX – начала XX века проявилась в том, что одной из самых острых тем литературы становится тема России, ее географического и исторического своеобразия, ее настоящего и будущего.

О.В. Сливацкая отмечает: «В той или иной мере тема эта будет затронута во всех крупных произведениях. Герои их с различных позиций размышляют о том, что такое Россия, и размышления эти раскрывают пестрый и сложный комплекс социальных и нравственных противостояний отдельных общественных групп». [Сливацкая, 1983, с. 605]. Этот поворот русской литературы к теме углубленного постижения России проявился, в том числе и в активизации разного рода художественно-документальной литературы, относимой к жанру травелога.

Редкий «толстый журнал» того времени не публиковал разного рода путевые очерки, этнографические циклы путевых заметок о жизни и быте разных уголков России, причем самых удаленных и менее всего освоенных в литературе. Так, журнал «Вестник знания»¹ в своем историко-географическом отделе открывает постоянную рубрику «К познанию России». Предваряя новую рубрику, редакция поместила своего рода программу, представляющую немалый интерес. Приводим обширную выдержку из редакционного предисловия:

Есть ли хоть одна страна, претендующая на какую-либо культурность, где бы не только народ, но и высшие слои интеллигенции имели столь смутное понятие о своей родине, как Россия? Мы знаем, и нас уверяют в этом иностранцы, что

¹ Ежемесячный иллюстрированный литературный и популярно-научный журнал с приложениями для самообразования. Выходил в Петербурге с 1903 по 1918 гг., ред.-изд. В.В. Битнер.

Россия – страна, в которой имеются несметные естественные богатства, но народ у нас голодает, мрет от всяких болезней, связанных с бедностью и невежеством, вырождается: когда-то русских считали крупной, сильной расой, теперь наш мужик стал низкорослым, слабосильным, рахитичным... Лежа на богатствах, он умирает от нищеты. Над мужиком постоянно производятся разные эксперименты, направленные к его «благополучию», его постоянно опекают, о нем заботятся, но... никогда не спрашивают его самого, как он себя чувствует от этих «благодеяний». И хуже всего, что опекуны уверены в том, что доходящие до нас стоны мужика – это не более как «тенденциозное недоразумение». Точно в таком же положении находимся мы и относительно других экономических взаимоотношений.

А история России, выражающаяся в остатках старины в виде всевозможных исторических памятников, безбожно уничтожаемых по невежеству или по преступному корыстолюбию? Разве наша интеллигенция, за немногими исключениями, что-нибудь делает для того, чтобы сохранить, изучить и даже разыскать недостающее в этих остатках седой древности, носящей следы множества исторических событий и прошедших через Россию народов?

Возьмите любой исторический город и спросите местного жителя, даже из интеллигентов относительно «достопримечательностей», и вы убедитесь до чего скудны его познания своего родного города, до чего мало знаком он с историей края. Если же вы полюбопытствовали бы узнать, чем отличается данная местность в отношении естественно-историческом от других областей России, если бы вы вздумали спросить, на какой геологической системе расположен данный город, какие могут быть в окрестностях ископаемые, какие вероятные естественные богатства заключаются в недрах земли данного края, то на вас посмотрят с нескрываемым изумлением: «и зачем это ему понадобилось...», подумает ваш собеседник. <...>

В этом непонимании всего ужаса незнания – слабость России, в этом ее несчастье, которое усугубляется еще отсутстви-

ем в нас всякой инициативы и вечной боязнью неблагонадежности: повсюду нам чудятся городской и урядник. <...> Так, стоя на одном месте и не предпринимая ничего из боязни, бы чего не вышло», мы все дальше и дальше отстаем от культурных народов, все более и более беднеем, и вскоре дойдем до экономического банкротства, когда с мужика будет взять нечего, а он в свою очередь скажет, что и ему терять нечего.

Необходимо взяться за работу, и в первую голову придется заняться изучением России во всех отношениях: экономическом, историко-археологическом, естественном, этнографическом, климатическом и т. д. [Вестник знания, 1908, № 9, с. 1206–1207].

Вот только выборочный перечень материалов, опубликованных в журнале «Вестник знания», свидетельствующий о буме подобной литературы: «Край будущего. Из впечатлений поездки по Сибири», «Картины и впечатления Севера», «Очерки кавказского черноморского побережья», «Маньчжурские наброски», «Два месяца на Сахалине», «Амурский край», «Сарепта (Родина горчицы)», «Правила хлыстовской секты», «Кое-что о якутах», «Образовательные путешествия» т.д. То, как была реализована эта программа, может стать предметом отдельного специального исследования.

Что интересно отметить, в литературе делаются попытки предложить не только точку зрения образованного писателя, но и т. н. *народный* взгляд на русскую жизнь. Тот же журнал «Вестник знания» в 1903 году (№№ 5–8) публикует серию дорожных впечатлений крестьянина-самоучки Г.М. Пилипенко «В поисках земли (Дорожные впечатления в Сибири)», «Наше горе (Из поездок по Уссурийскому краю)». Публикацию очерков непрофессионального писателя редакция сопровождала примечанием, где говорилось:

... заканчивая печатанием настоящий очерк, принадлежащий, как уже было сказано, перу крестьянина, не получившего решительно никакого образования, позволим себе выразить надежду, что читатели отнесутся к этому произведению с большой снисходительностью. <...> Обращая на это внимание наших читателей из народа, мы просим их присылать свои «пробы пера» и быть уверенными, что ко всякому такому произведению будет применена возможная снисходительность. Но для нас интересны только правдивые описания жизни, быта, нужд и запросов той или иной народной среды, а не измышления на «народнические темы» [Вестник знания, 1903, №8, с. 34–35] (курсив наш. – В.К.).

Последнее замечание весьма примечательно. К концу XIX – началу XX века народничество перестает быть ведущей идеологией эпохи. Н.А. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда», открывшей сборник «Вехи» (1909), поставит беспощадный диагноз народническому отношению к философии: «С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине. <...> По существу, в область философии никто и не входил, народникам запрещала входить ложная любовь к крестьянству...» [Бердяев, 1990, с. 12–13].

Однако вряд ли справедливо на этом основании отрицать ценность литературы, замешанной на народнических взглядах: их художественно-публицистическое творчество шире представлений о пропагандистской роли литературы, лишь якобы иллюстрирующей идеологию. Нельзя не согласиться с исследовательницей народнической литературы М. Горячиной, которая, подчеркивала: «... художественная литерату-

ра народников 70–80-х годов не является, конечно, зеркалом положительных и отрицательных сторон их теории. “Народничество как литературное течение, стремящееся к исследованию и правильному истолкованию народной жизни, – совсем не то, что народничество как социальное учение, указывающее путь “ко всеобщему благополучию”. Первое не только совершенно отлично от другого, но оно может ... прийти к прямому противоречию с ним”, – справедливо отмечал Плеханов» [Горячкина, 1970, с. 5]. Познавательная ценность народнической литературы заключается в том, что она «открыла новые, неизведанные области народной жизни, познакомила русского читателя с духовной и материальной жизнью слоев народа, еще мало известных или вовсе неизвестных: с жизнью рабочих фабрик и заводов, золотоискателей, сезонников глухих окраин России, переселенцев, ремесленников» [Горячкина, 1970, с. 9].

«Кризис народнической идеологии привел к тому, что общие идеи и концепции, способствовавшие “генерализации” жизненного материала, отступают на второй план перед мыслью о необходимости исследовать саму жизнь в ее новых многочисленных и многогранных аспектах, в ее социальной и национальной вариантности» [Муратов, 1983, с. 31], – заключает другой исследователь. Сама народническая установка как бы побуждала писателей использовать возможности жанра путешествий. С этим связано развитие очерковой литературы, путевых набросков и заметок в творчестве С.В. Максимова, Н.Н. Златовратского, Н.И. Наумова, Ф.Д. Нефедова и других. В этом отношении народники продолжали традиции путешествующих писателей. Обращаясь к новому писателю советской эпохи, рецензент «Комсомольской правды» в 1928 году так вспоминал об этой традиции: «Начиная с 60-х годов прошлого столетия, русский писатель “путешествует”».

Стремление к странствию было присуще и писателю-разночинцу, и писателю-народнику, и писателю-пролетарию. С котомкой на плечах и посохом в руках они бродили по Руси, изучая любовно каждую речушку, каждую извилинку. Причины, вызывающие эти частые прогулки, были самые разнообразные: материальные нужды, поиски заработков, общественные устремления (хождение в народ) и политические репрессии» [Комсомольская правда, 1928, с. 3].

Для изучения позднего этапа народнической литературы представляет интерес путевая проза ныне почти забытого беллетриста-народника, журналиста, этнографа Филиппа Диомидовича Нефедова (1838–1902).² Ф.Д. Нефедов принадлежит к числу тех писателей (хотя и второго ряда), которые наиболее ярко «отразили основные стороны народнической прозы» [Горячкина, 1970, с. 6].

Особый колорит прозе Нефедова придает то, что всю жизнь он занимался изучением устного народного творчества, участвовал в экспедициях по Волге и в Оренбург, Уфимскую губернию, на Урал, на Кавказ, в Крым, занимался этнографическими и археологическими исследованиями (в 1872 году избирается членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, а в 1887 году был избран членом-корреспондентом Москов-

² О нем есть биографическая статья А.Ю. Панфилова в 4-м томе биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1999). Из новейших исследований назовем кандидатскую диссертацию Е.Г. Чеботаревой «Народническая беллетристика в литературном процессе 1870-х гг. (Саратов, 2009). К сожалению, совсем нет его имени в академическом коллективном издании «Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза» (М.: ИМЛИ РАН, 2009), где рассмотрены тенденции развития очерка в литературе этого периода. Видимо, это связано с тем, что имя писателя ассоциируется прежде всего с 60–70-ми годами, хотя он выступал и в периодике 90-х годов.

ского археологического общества). Это, в свою очередь, породило в творчестве особый синтез жизненных впечатлений и научных наблюдений и выводов и придало ему черты непосредственной документальности «факта». Сюжеты, ситуации произведений Нефедов, как правило, черпал из своих поездок по России³.

Обратимся к поздним очеркам и наброскам Нефедова «Весною», опубликованным в журнале «Наблюдатель»⁴ (1894, №№ 1, 2) с авторской дефиницией «очерки и зарисовки». Этот текст нужно рассматривать как составной элемент такого структурно-жанрового образования, как «путешествие по Волге»: «Это жанровая дефиниция путевого очерка, описывающего Волгу (часто с верховья до низовых губерний и “Букеевской Орды”), ее природу, города и народы, населяющие “Великую реку”» [Сарбаш, 2012, с. 158]. В этом ряду можно назвать такие произведения, как «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» М. Невзорова; «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» А.Н. Островского; «Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам» Ф.Д. Нефедова; «Путь по Волге в 1851 г.», «С Ветлуги» А.А. Потехина; «Куль хлеба и его похождения» С.В. Максимова; «Волга. Сказания, картины, думы» А.А. Коринфского; «Великая река. Картины из жизни и природы на Волге» Вас. Ив. Немировича-Данченко; «По Великой русской реке» А.П. Валуевой, «Русский Нил» В.В. Розанова и другие.

Говоря о путешествии по реке, необходимо «при анализе травелога учитывать его *природную обусловленность*, про-

³ Так, впечатления от поездок по Башкирии нашли отражение в путевых рассказах и очерках Нефедова «На восточной окраине», «Опечаленный город», «Русские переселенцы», «Меновой двор», «Башкирская старина».

⁴ Ежемесячный литературный, политический и ученый журнал. Выходил в Петербурге в 1882–1904 годах, ред.-издатель А.П. Пятковский.

являющуюся в социально-бытовой специфике, точке зрения путешественника» [Милюгина, 2015, с. 128]: «В самом процессе движения дорога – зрительно – бежит тебе на встречу. Путешествие по воде оставляет у нас совсем иные зрительные впечатления. Плывая по реке, мы плывем вместе с рекой. Вода сама несет нас вниз по течению, и берега (суша) идут к нам навстречу, а мы с водой стремимся вперед. Дорога под нами (и под нас!) не стелется, дорога воды выводит нас» [Милюгина, 2015, с. 135]. В полной мере сказанное относится к водному перемещению вниз по течению, как в рассмотренном нами произведении. Путешествие по реке дарует особое психологическое состояние. О преимуществах водного путешествия (и особенно по Волге) замечательно писал В.В. Розанов в путевом очерке «Русский Нил» (так он называл Волгу):

Обыкновенно желающие отдохнуть на Волге отправляются из Петербурга до Нижнего и уже здесь садятся на пароход, чтобы видеть «наиболее красивые берега Волги». Это большая ошибка. Прежде всего железнодорожный путь, с летнею жарою и пылью, теснотой вагонов и вынужденною неподвижностью является сильным приемом нового утомления на усталые нервы. <...> Едва по длиннейшим сходням вы спускаетесь на один из громадных рядом стоящих пароходов, вы точно окунаетесь в «волжский труд», как что-то своеобразное, в себе замкнутое, как в особый новый мир, который сразу отшибает у вас память Петербурга, Москвы и даже вообще всего «не волжского». Удивительное ощущение, почти главное условие действительного отдыха, доставляемого Волгою! Пока вы сидите в вагоне, все равно Николаевской или Рыбинско-Бологовской дороги, вы точно тащите за собою Петербург. Его впечатления, его психология, его тревожнения – все с вами и около вас, в разговорах, которые вы слышите, в ваших собственных думах. Даже когда живешь на даче очень далеко от Петербурга, уже по тому одному, что она связана непрерывною линией

рельсов с Петербургом – этим железом и этим стуком, этою почтою и этими газетами, – вы никак не можете изолироваться от Петербурга и продолжаете, в сущности, жить в нем, но только как бы на очень отдаленной улице, и мало посещаете центры его. <...> Мерные удары колес по воде не утомляют вас, потому что это ново. Эти удары – мягкие, влажные. Ими почти наслаждаешься, как простым проявлением движения и жизни после того вечного стука и лязга железа о железо или о камень, от которого никуда нельзя скрыться в Петербурге и в Москве и который истощает и надрывает всяческое терпение [Розанов, 1989, с. 193–194].

Пространственно-временные рамки сюжета путевых заметок Нефедова определены, в соответствии с жанром травелога, *маршрутом* как «заранее намеченным и установленным путем следования» [Шачкова, 2008, с. 280]. Перед читателем развернуто описание путешествия вниз по Волге – от Нижнего Новгорода до Самары. Все действие происходит на пароходе «Левиафан»⁵, путешественники не выходят в города, где останавливается пароход, а наблюдают за изменениями с палубы парохода или из окна каюты. Состав попутчиков меняется, кто-то выходит на своей станции, но появляются новые лица. Основное место уделено описанию быта и времяпровождения пассажиров разных классов, а также их разговоров в пути.

По жанровой структуре текст «Весною» синтетичен, заметно взаимопроникновение разных жанровых элементов: социального, этнографического очерка, лирической прозы (особенно заметно активизировавшейся на рубеже веков). В нем, безусловно, проявляются некоторые типологические особенности жанрового образования «путешествие по Вол-

⁵ По-видимому, само название корабля «американского типа» указывает на авторскую оценку (отношение) народников к проявлению капиталистического развития на русской почве.

ге»: «Хронотоп Волги является доминантным в сюжетно-композиционной организации произведений. От лица автора-рассказчика, плывущего по Волге, даются разнообразные картины жизни: уклад жизни, род занятий, обычаи и нравы, национально-этнографические особенности быта русских и других многочисленных народностей. Русские писатели изображают Волгу и Поволжье как огромное полиэтническое пространство российского мира, населенное разными народами, отмечая специфику русской и “инородческой Волги”. В русском национальном континууме возникает “нерусское”: разнообразные этнические образы-“лица”, этнопсихологические типы» [Сарбаш, 2012, с. 159].

Уже в самом начале повествования проявляется лиризм прозы Нефедова. Первый ключевой мотив можно назвать *предвосхищением путешествия* – это описание того подъема, которое испытывает рассказчик перед поездкой. В путевых очерках Нефедова, как правило, это дано в лирической форме как радостная возможность отойти хоть на время от будней столичной жизни и оказаться в мире природы, свободы, непосредственного ощущения жизни⁶. Такой предваряющей экспозицией открывался более ранний очерк Нефедова «Опечаленный город» (1884):

Трудно представить себе удовольствие выше, как в начале мая вырваться из столицы и бежать из нее вон, — куда, это все равно, лишь бы только не томиться в ошеломляющей атмосфере и не сидеть обалделым, точно индийский брамин, — бежать как можно скорее и без оглядки и чем дальше от «центров»,

⁶ В.Г. Короленко в очерке «В Америку» сравнивал путешествующего с птицей: «... как птица, которая в эту минуту встряхнулась на ближней ветке, снялась с насиженного места и понеслась над вершинами деревьев» [Короленко, 1923, с. 15].

тем лучше... Уж одно то, что вместо разных столичных запахов, вместо бесцельных тревог, бесконечных словоизвержений о «народничестве» и ежедневного созерцания фатальных физиономий дворников и городских, вы почувствуете себя посреди настоящей, не декоративной природы, с каждым днем расцветающей и гремящей тысячами голосов и звуков, наполняющих леса, степи и светлое поднебесье: поют эти голоса о деятельной, бодрой, никогда не останавливающейся в своем развитии жизни, поют они о вечной правде и чистой любви... Разве это не наслаждение, не счастье для столичного обывателя, и в особенности интеллигента, обретающегося, как известно, теперь в большом загоне? Правда, у интеллигентного человека немало всякого рода препятствий, мешающих осуществлению самых дорогих и заветных его желаний; к числу таковых, надо сказать, относится и трудность передвижения, несмотря на видимую легкость и усовершенствование путей сообщения. Особенная милость божия почиет на главе того, кто помыслит: «уеду на лоно природы» – и уедет! Кажется, не предстоит никакой надобности говорить, что автор этих записок тоже взыскан от бога: стоило ему в конце апреля задумать об оставлении центра, а в половине мая он уже очутился на периферии [Нефедов, 1988, с. 84–85].

То же настроение передано и в начале путевых заметок «Весною»:

Майское утро на Волге... Волга! Сколько воспоминаний, образов и картин внезапно встает при этом слове! Всякий раз, при виде Волги, до сих пор еще хранящей предания и были прежних времен, пахнет на вас ободряющей свежестью, обнимет вас беспредельный простор; сны и грёзы беззаботного детства поднимутся и поплывут в серебристом сиянии... Гористые, холмообразные берега; заливные, без конца расстилающиеся, зеленые луга; живописно разбросанные селения, посадки и города с белеющими церквями и с колокольнями, сверкающими

на солнце своими крестами; шумливая суетня и смешанный говор на пристанях, и эта величавая река со снующими по ней вверх и вниз пароходами, с мелькающими, словно белые голуби, парусными суденышками и, местами, вырастающим лесом расцвеченных мачт медленно движущегося каравана... Все это, хотя ненадолго, дает возможность позабыть о столичной суетлоке; и вседневных дразгах жизни, с облегченным сердцем вздохнуть на чистом воздухе и снова радостно взглянуть на привольный божий мир, на вечные, с каждой весной обновляющиеся, красоты природы, так властительно зовущие к иной жизни, к свободе; и правде, любви и здоровому, плодотворному труду» [Наблюдатель, 1894, № 1, с. 119].

Невольно вспоминается некрасовское «На Волге»:

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...

[Некрасов, 1980, с. 88–89].

Одной из доминантных черт жанра травелога исследователи называют присутствие фигуры *повествователя-путе-*

шественника. «Травелог – это я-повествование, предполагающее обязательное наличие рассказчика-путешественника. Возможные типы рассказчика многообразны: от alter ego писателя до недостоверного повествователя – но именно он представляет единственный фокус изображения, единственную точку зрения на описываемое» [Никитина, 2013, с. 135]. Н.А. Никитина и Н.А. Тулякова, авторы этого определения, настаивают на том, что «именно это отличает травелог от романно-новеллистических форм, где, помимо точки зрения путешественника, есть точка зрения автора, обладающего большим знанием, и возможен диалог автора и читателя, минуя героя, что невозможно в травелоге» [Там же, с. 135].

Однако в реальной литературной практике не все так однозначно, как в теоретической модели. В русской литературе рубежа XIX–XX веков зарождается тип очерка, «больше похожий на новеллу, особенно при отсутствии фигуры рассказчика» [Завельская, 2009, с. 400]. Появляются очерковые тексты, в которых присутствие наблюдателя не всегда отчетливо проявляется. Но при явном отсутствии фигуры наблюдателя сохраняется «некий условный локус, при котором реальность описывается как бы с определенной точки зрения», а также «частое использование, например, настоящего времени при описании событий» [Там же, с. 408].

С этих позиций рассмотрим, как выражается авторская позиция в данном травелоге. Тем более, здесь нет, как в публицистическом тексте, прямых оценок. Поэтому следует обращать внимание на семантические доминанты текста, его композицию, пространственно-временную организацию.

Автор в путевых очерках Нефедова не обнаруживает себя как путешественник, непосредственный участник событий, многочисленных бесед пассажиров. Это, если следовать типологии повествователя, с точки зрения его отношения

к изображаемой действительности, «повествователь как интерпретирующий и оценивающий наблюдатель», его «наблюдательный пункт последовательно перемещается, оказываясь отражением сознания разных персонажей» [Маркевич, 1980, с. 195].

Авторская позиция выражается, прежде всего, через *композиционный контраст*. Это контраст социальный, контраст здоровья, веселья и печали, болезни, мужского и женского мира. Сам способ изображения пути, находящихся на корабле различных типов пассажиров, их реакций на увиденное по берегам Волги, характер диалогов и пространных монологов приобретает явную социальную злободневность. Сюжет разворачивается параллельно, мы оказываемся то среди пассажиров первого и второго, то третьего класса. Этот прием параллелизма позволяет подчеркнуть, выделить авторскую позицию. Это попытка показать два совершенно разных мира. О них писал Н. Шелгунов, слова которого приводит в своей «Истории русской общественной мысли» Р.В. Иванов-Разумник: «Мы, интеллигенция, – говорили семидесятники, – представители индивидуализма, народ – представитель коллективизма. Мы изображаем собою личное Я, народ – Я общественное. В сущности два полюса противоположных мировоззрений, которые должны быть исследованы, изучены, установлены и затем соглашены, как общий, основной и единый руководящий общественный принцип» (Шелгунов «Новый ответ на старый вопрос», 1868 г.)» [Иванов-Разумник, 1997, с. 195].

Так, контраст народного мира и привилегированногословия передается через различие *тематики* их разговоров. В первом классе ведутся разговоры о воспитании, образовании, искусстве, о современном положении дворян. «Профессорша» при взгляде на мальчика выносит приговор:

Любопытный материал для наблюдения представляют дети. Всегда по ребенку можно узнать, кто его родители: в сыне купца виден будущий купец, в ребенке аристократа – аристократ, в младенце дипломата – будущий политик, и так далее. Вот этот рыженький мальчик... уже наверняка сын купца.<...> Я всегда говорила и буду говорить, – не удостоив ответом, продолжала монументальная особа: – купцы, промышленники, разночинцы, не отдавайте своих детей в гимназию и бойтесь университета. Он не для вас! Зачем вашим детям высшее образование? [Наблюдатель, 1894, № 1, с. 124–125].

Совсем другие разговоры ведутся среди пассажиров третьего класса. Здесь говорят о погодных приметах, о засушливой весне, о том, что «коли дождей не выпадет, хлебушка ничего не уродится» [Там же, с. 139], а также, почему «столько начальства развелось» [Там же, с. 140]. А еще все выслушивают рассказ старика о «знамениях времени» перед пришествием антихриста» [Там же, с. 140] (с народным «сюжетом» связаны в очерке Нефедова многочисленные этнографические элементы).

Разделяя общие почти для всех народников просветительские и моральные ценности Руссо, «веру в добродетель простых людей, его мысль, что причина морального разложения общественных институтов – их изношенность, его острое недоверие ко всем формам умствования, к интеллектуалам, специалистам, всем самоизолировавшимся кружкам и фракциям» [Берлин, 2014, с. 305], Нефедов дает описание радостного солнечного утра (вблизи Симбирска), реки и окружающего ландшафта:

Кто не спит в это утро, кто лицом к лицу стоит с природою, – тот почувствует горячую слезу на дрогнувшей реснице;

в груди его зазвучат все струны души и согласным хором запоют новую песнь песней» [Там же, № 2, с. 212].

Но если третий класс уже не спит, там пробуждаются вместе с первыми лучами солнца, то первый класс еще «почивает» до десяти часов, а Казань, например, «проспал».

Сюжетные конфликты, развиваются, как это обычно свойственно очерку, в пределах одной сцены. Рассмотрим одну из характерных. Сцена представляет собой изображение кружка слушателей в мужском обществе. Один из участников разговора, управляющий имением одного крупного барина говорит, что причиной того, что стало мало леса и казенные леса вырубаются, является мужик. На защиту мужика выступает священник. А в ответ на это управляющий оскорбляет священника, называет его «бедным деревенским попом». Как вскоре выявляется, управляющий был по происхождению немец. В защиту священника выступает молодой агроном:

Вы так давно живете в России, эксплуатируете народ и позволяете себе не только презирать его, но оказываете полное неуважение к лицу духовного звания. За что вы оскорбили батюшку?» [Там же, № 1, с. 132].

Но есть среди попутчиков те, кто пытается приблизиться к народу, как-то ему «послужить». Эта сюжетная линия занимает особое место в структуре текста. На наш взгляд, именно в ней находит воплощение центральная идея народничества, идея социальной справедливости и социального равенства, значимая и на позднем его этапе: «...каждое удобство жизни, которым я пользуюсь, каждая мысль, которую я имел досуг приобрести или выработать, куплены кровью, страданием или трудом миллионов» [Лавров, 1934, т. 1, с. 225]. Достаточно вспомнить, какое значение эта проблема имела для

всей культурфилософской публицистики серебряного века. Вопрос о взаимоотношениях народа (России) и интеллигенции Блок называл «важнейшим для него» и «насущнейшим» [Блок, 1962, т. 5, с. 319].

Среди пассажиров «Левиафана» выделяется Анна Николаевна, богатая женщина-врач. В ее речах заметна народническая риторика:

Все говорят о жизни, все хотят жить и никто не живет... Жалуемся на пустоту и бесцветность жизни, удивляемся, что все и принизилось и опошлось, повсюду ложь и эгоизм, нет серьезных отношений между людьми, а ровно ничего не делаем, чтобы самим быть лучше и человечнее, не можем устроить жизнь по-своему, найти в ней живой интерес и идти своею дорогою. <...> Противно мне, наконец, стало; вся душа изныла, и я решила, хоть на время, уйти из этого болота и пожить новой жизнью [Там же, с. 166].

Она отправилась на восток, чтобы принести пользу переселенцам, среди которых много больных и голодающих. Своей собеседнице Сонечке она признается, что хочет посвятить свою жизнь этим «несчастливым» людям. Реализует ли она свою мечту, остается неизвестным, очерк завершается прибытием в Самару. Но по ходу путешествия читатель становится свидетелем попыток интеллигенции прислушаться к народу, как-то понять его. И Сонечка, и Анна Николаевна оказываются в числе слушательниц в третьем классе, где рассказываются народные легенды о Степане Разине. Вот итоговый вывод, который делает Анна Николаевна:

Народ живет своею жизнью, у него особое мировоззрение, свои идеалы и верования. Мы чужды народу, он сторонится нас и остается по-прежнему сфинксом, хотя мы притворяемся, что

знаем его, – у нас так много о народе пишут и говорят [Там же, № 2, с. 249]⁷.

Таким образом, встреча интеллигенции и народа в сюжете не состоялась, есть только попытка приблизиться к нему. Анна Николаевна советует Сонечке заняться миссионерской деятельностью, проповедью евангелия среди «инородцев». Но этот потенциальный поворот сюжета остается за пределами очерка. И если Сонечка уже добралась до конечной остановки своей поездки – Самары, то Анна Николаевна еще в пути:

... она спешит на станцию железной дороги, паровоз умчит ее⁸ в Оренбург, а потом – далекий путь на лошадях, беспредельные степи, всюду номады, русские переселенцы, больные и в нищете... [Там же, с. 253].

И Сонечка называет это самоотречением, подвигом, который может стать для нее вдохновляющим примером.

⁷ Ср. с близкими размышлениями рассказчика у И.А. Бунина «Новая дорога» (1897). По мере того, как поезд все больше удаляется от Петербурга, рассказчику открывается «забытая жизнь родины», деревушки, нищие люди на платформах: «Гляжу и я на этот молодой, замученный народ... на великую пустыню России медленно сходит долгая и молчаливая ночь... . "Какой стране принадлежу я, одиноко скитающийся? – думается мне. – Что общего осталось у нас с этой лесной глушью, она бесконечно велика, и мне ли разобраться в ее печалях, мне ли помочь им? Как прекрасна, как девственно богата эта страна! Какие величание и мощные чащи стоят вокруг, тихо задремывая в эту теплую январскую ночь, полную нежного и чистого запаха молодого снега и зеленой хвои! И какая жуткая даль!"» [Бунин, 1983, с. 199].

⁸ Обратим внимание: если практически везде при описании событий преобладало настоящее время, свойственное поэтике очерка, то здесь время будущее.

Однако, мы покажем далее, вряд ли правомерно все содержание сводить лишь к выражению народнических представлений. Верно отмечал в давней статье о народнической беллетристике Н.В. Капустин: «... не надо искать народнических представлений там, где они отсутствуют» [Капустин, 1987, с. 108]. Так и в данном случае. Скорее всего, Нефедов пытается, пусть и в эскизной форме, дать как бы социопсихологический портрет человеческого сообщества в миниатюре, современной жизни вообще. Здесь сразу выделяются свои лидеры, «вожди» (причем, как среди первого, так и третьего класса):

Многие пассажиры успели познакомиться друг с другом, разделить на особые кружки и составить свое общество. Такая обособленность ярче выступила в женском обществе. Не говоря уже о том, что тонкая перегородка разделила дам одного класса от другого; между самими дамами первоклассницами замечалась рознь. Так, барыни, говорившие о своих столичных знакомых, людях «хорошего тона» или «высшего круга», держались в стороне от тех, которые в своих разговорах упоминали о «хорошем тоне» и «высшем круге». В мужском обществе, скучившемся преимущественно в отделении второго класса, был свой оратор, каким оказался высокий, с длинными усами, одетый в венгерку, пожилой симбирский помещик, а в дамском – своя царица, которая давала всему тон и вокруг которой, как звезды первой величины, группировались другие звезды, второй и третьей величины. Это блестящее созвездие составляли пять дам, и царицею между ними была пышная, лет тридцати пяти, барыня, одетая по последней парижской картинке (для семнадцатилетней девушки), с дорогим веером в руке и золотыми лорнетом [Там же, № 1, с. 122].

В этом представлении персонажей нельзя не заметить авторской иронии, усиливающейся далее по ходу повествования. Например, врач-артист:

... свежий и выхоленный, только что принявший ванну, рассказывал поклонницам своих талантов о Кавказе, где он провел в Железноводске одно лето, в качестве консультанта, и “хорошо заработал”» [Там же, № 2, с. 231–232].

Его рассказы об Эльбрусе, Казбеке, Дарьяльском ущелье производят впечатление безжизненности, холодности, что контрастирует с поэтичностью народных рассказов и впечатлений от живой природы, открывающейся по берегам Волги.

Выделяются и те, кто не принадлежал ни к какому кружку:

Но как между дамами, так и между мужчинами встречались одиночки, не приставшие ни к одному кружку. Большое внимание публики, особенно салонной, обращала на себя молодая, высокая и красивая дама, ехавшая в первом классе одна с горничною; она ни с кем не знакоилась, сидела или прогуливалась одна по балкону, любуясь береговыми видами и рекою; следила за играми резвящихся детей и прислушивалась к их разговорам [Там же, № 1, с. 123].

Не для всех путешествующих поездка оказывается радостным событием:

Как и всегда бывает весною, на пароходе немало ехало и больных, преимущественно молодых женщин и девушек: заботливые врачи сплавливали их на самарский кумыс. Среди цветущих здоровьем лиц и оживленного говора, они резко выделялись своею молчаливостью и увядшим видом: бледнолицый, со вспыхивающим, по временам, пятнами румянцем на щеках с выступающими синеватыми жилками на ввалившихся висках и исхудалыми руками, больные, в состоянии какой-то подавленности, сидели на решетчатых диванах и, казалось, безучастно относились ко всему на свете. А перед ними, с разных сторон, раздавались веселые голоса, звонкий молодой смех и восклицания радости, восторга и довольства... [Там же, с. 123].

Этот контраст здоровья, полноты жизни и болезни, особенно заметно выступает на фоне величественной реки. Вот, например, описание вечера:

Солнце медленно погружалось в зеркальную гладь реки; последние лучи его обстреливали весь город Козьмодемьянск, верхушки деревьев, вершины гор и белую, отчетливо выступавшую вдали, сельскую колокольню с горевшим, как огонь, крестом... Погружаясь все ниже и ниже, оно совсем потонуло, и как только потонуло, – запад весь залило расплавленным червонным золотом.

«Левиафан» снова несется по водам затихающей, как будто бы начинающей погружаться в дремоту, величественной реки. Больные, еще задолго до солнечного заката, удалились с балкона, их бледные лица, обливаемые пышным румянцем зари, показались теперь в закрытых окнах кают и смотрели такими печальными, грустными...

«Зачем мы не наслаждаемся этим прекрасным вечером? Зачем мы сюда ушли, когда там чистый мягкий воздух?» – говорили их усталые, но блестящие глаза. – «Почему другие все говорят, их все радует и им весело, а мы?.. Вот это Сонечка опять чему-то смеется... счастливая! [Там же, с. 127–138].

Предметный мир путевого очерка по Волге непредставим без образа самой реки и подробностей открывающихся окрестностей с движущегося парохода⁹. В современных культурологических исследованиях вода и река рассматриваются как древнейшие архетипы, повлиявшие на становление национальных картин мира, а Волга выступает как «культурообра-

⁹ Жизни у реки (Камы) посвящена повесть Нефедова «Тайна реки» (1894).

зующая категория русской ментальности»¹⁰. В начале очерка «Русский Нил» В.В. Розанов вспоминал веками сформировавшиеся народные представления о Волге:

Но и Волга наша издревле получила прозвание «кормилицы». «Кормилица-Волга»... Кроме этого названия, она носит другое и еще более священное – матери: «матушка-Волга»... Так почувствовал ее народ в отношении к своему собирательному, множественному, умирающему и рождающемуся существу. «Мы рождаемся и умираем, как мухи, а она, матушка, все стоит (течет)», – так определил смертный и кратковременный человек свое отношение к ней, как к чему-то вечному и бессмертному, как к вечно сущему а живому, тельному условию своего бытия и своей работы. «Мы – дети ее; кормимся ею. Она – наша матушка и кормилица». Что-то неизмеримое, вечное, питающее... [Розанов, 1989, с. 192–193].

В путевой очерк Нефедова включаются описания волжского речного ландшафта, данные сквозь призму народно-поэтических представлений и авторского лирического отношения. Для очерка рубежа веков характерно, что «описательные элементы порой утрачивают функцию аргумента, превращаясь в подобие лирических отступлений», что придает очерковой прозе «дополнительный эссеистско-импрессионистический характер» [Завельская, 2009, с. 405–406]. Разумеется, подобные особенности в полной мере проявились у больших мастеров прозы (В. Вересаева, В. Короленко, И. Шмелева и других), но они заметны и в анализируемом произведении.

¹⁰ «Ни одна река в России не оказала такого огромного влияния на формирование русской ментальности, как Волга. Эта река мыслилась не только как ландшафтный объект, но прежде всего как некий субъект бытия. Она “матушка”, прародительница русского народа, кормилица и подательница всех благ» [Кусмидинова, 2010, с. 13].

Мы уже приводили пример из начала очерка, но особенно ярко эти черты обнаруживаются при описании волжских городов и речной панорамы. Художественными средствами Нефедов стремится передать особенности поволжских городов, каждый из которых совершенно неповторим. Перед читателем последовательно открываются с движущегося корабля поволжские города и прибрежные поселки: Нижний Новгород, Васильсурск, Казань, Тетюши, Симбирск, Ставрополь, Жигули, Самара). Вот картина Симбирска:

Пароход вышел па стрежень (фарватер) и не сделал версты от пристани, где остался на плоту живой утопленник, как с высокой горы выглянул Симбирск, облитый лучами солнца, – выглянул куполами храмов и соборною колокольнею, розовыми, вытянутыми в длину, казенными зданиями, среди которых робко ютились и стыдливо прятались разные обывательские постройки. Город глядел вслед за уносившимся плавучим замком-пароходом и долго, – пока тот не скрылся из виду, – провожал его не то с какою-то думою, не то с затаенною печалью» [Там же, № 2, с. 211].

Именно в изображении картин Волги и волжских окрестностей усиливается авторская роль, рассказчик дает в полной мере волю попутным впечатлениям и ощущениям.

Река, как известно, с древнейших времен выступает и как порождающее начало, основа жизни, но в ней есть и танатологическое проявление, она может уничтожить, погрузить в себя. Волга, какой она предстает со страниц очерков Нефедова, тесно связана с фольклором, с героями многих легенд, народных поверий и песен, которые звучат с нижней палубы (в легенде о Девьей горе красавица, отвергнутая любимым, с горы бросилась в Волгу-матушку; о человеке, который в Жигулевских горах встретил богатыря Степана Разина).

В фольклоре типичными мотивами, которые разворачиваются на фоне в Волги, являются «неразделенная или трагичная любовь, тема дороги, вольницы, удали, подвига и т.д.» [Куснидинова, 2010, с. 13].

По-видимому, для автора народные вставные рассказы были не только способом характеристики героев из народа, но имели и специальный этнографический интерес¹¹.

Как это нередко проявляется у Нефедова, лирика вытекает из фольклора, фольклорно-поэтической основы его произведений. Так и здесь: песни с нижней палубы органично перетекают в авторское повествование с элементами сказовой формы:

В залах и каютах первых двух классов никого не оставалось, кроме больного пассажира в одной из отдельных кают: все высыпали на балкон. Гора-великан неслась навстречу с невероятной быстротой. Вдруг с нижней палубы, где помещается машина, грянули сильные голоса:

Мы взойдемте, братцы,
На высокие горы;
Поглядимте, братцы,
Вниз по матушке по Волге.
<...>

На одном из стружочков, – пела далее песня, – «весела была беседа»: тут сидел сам атаманушка, по прозванию Стенька Разин. Гора-мыс, почти отвесно поднимавшаяся над водою, была уже в двух саженьях... [Там же, с. 226–227].

Когда появляются Жигулевские горы, всех пассажиров, независимо от «класса», охватывает особое воодушевление. И, как подчеркивает повествователь, даже лица сделались

¹¹ Ведь этнография была предметом его специального научного интереса: [Нефедов, 1877, с. 138–162].

«лучше и добрее». Перед возвышенной красотой все на какое-то мгновение забывают и о социальных распрях, тяготах жизни, о болезнях:

... Еще несколько мгновений – и пароход разбился бы в дребезги о страшную твердыню... Но невидимая рука изменяет курс, и он благополучно минует опасность. Отлегло у всех от сердца, дамы облегченно вздохнули. И едва обогнули гору, как с разных сторон клики восторга и удивления огласили балкон. Дивная картина открылась пред изумленными взорами. Справа, во всю длину берега, встали и поднялись в прихотливых очертаниях горы, скалы и утесы; то краснобурые и каменистые, они отсвечивали, то совсем утопали в чудных кудрях зелени. Бесчисленными толпами собрались они на берег, чтобы полюбоваться своим отражением; остановились и замерли от восхищения и обнявшей их радости. <...> И никто не говорил, все сидели и стояли, как очарованные. Лица преобразились: резкость сгладилась, они сделались лучше и добрее. Даже лицо немца «с истинно-русской душой» изменилось, и выражение его желто-карих глаз смягчилось. <...> Батюшка тихо вздыхал, и на ресницах его дрожали слезы. Больные девушки сидели с просветленными лицами: природа своими красами благотельно воздействовала и на них, наполнила сердца их жизнью и счастьем забвения [Там же, с. 227–228].

На рубеже XIX – начала XX века признается «онтологическая значимость эмоциональной сферы, ее интуитивной стороны, свободного полета впечатлений как особого пути познания». [Завельская, 2009, с. 410]. Поэтому авторская позиция усиливается именно в таких «местах» текста, где сильнее всего передано эмоциональное мироощущение, рождаемое созерцанием неба, отраженных звезд в реке и наступившего

ночного покоя¹². В них отношение автора к миру дано с позиций человека верующего:

По небу раскинулись звезды; в полусумраке и Волга, и все побережье; на западе алеет золотистая заря. Ночь тихая, теплая, с какою-то нежною ласковостью обняла реку, берега и окрестность. Царственная тишина и непробудный покой! Даже глухой, тяжелый грохот и вздрагивание массивного парохода не нарушают ни этой тишины, ни этого покоя майской ночи, благоухающей травами и цветами лугов. Смотришь на распростершееся вокруг дивное небо, на отчетливо вырисовывающиеся в золотисто-алом сиянии зари листья деревьев, на безмятежные, с отраженными звездами, воды могучей реки; жадно впиваешь полной грудью ароматный воздух, и на душе все так ясно и спокойно, здоровая бодрость наполняет все существо, погибшие мечты и надежды на обманувшее счастье воскресают, и с тихой грустью думаешь, зачем эта непрерывная битва жизни? Зачем неправда и зло, тревоги, лишения и страдания, уныние и отчаяние? Разве мало простора, разве тесно людям под беспредельным небесным сводом? И разве иссякли дары природы? Взгляните, прислушайтесь, – все зовет к братскому единению, радостным песням мира и человеческой любви... [Там же, №1, с. 157–158].

Таким образом, путевые очерки Ф.Д. Нефедова несут в себе черты народнической идеологии, проявляющиеся в социальной заостренности, в авторской оценочности персонажей и ситуаций, в контрастности различных «классов» пассажиров (различия тематики диалогов, реакций на окружающий ландшафт и т. д.). По типу построения сюжета травелог Нефедова приближается к рассказу; его сюжет имеет не толь-

¹² Вместе с тем в лирических отступлениях, рожденных созерцанием водной стихии, заметно одновременное сочетание «показа» и «рассуждения».

ко локальную привязанность к определенной частной сцене, ситуации, но содержит и сквозное течение, выраженное в попытках героев из привилегированного сословия приблизиться к народу, но их реализация остается за пределами сюжета. Однако мы не сводим содержание очерка только к выражению народнических представлений, а видим в нем попытку дать социопсихологический портрет человеческого сообщества в миниатюре, современной жизни вообще, что несколько нейтрализует его народническую направленность. Включение образа Волги в повествование обогащает жанровую структуру, придает тексту сильно выраженное лирическое начало. Этнографические и фольклорные элементы выполняют в тексте двойную функцию. Они служат средством раскрытия богатой духовной памяти народа, а также имеют для автора-этнографа самостоятельную ценность. Сюжетно они обусловлены маршрутом путешествия и возникающими по ходу фольклорно-поэтическими «воспоминаниями», своего рода «рассказами в рассказе». Травелог имеет синтетическую жанровую структуру, объединяя черты социального, нравоописательного, этнографического очерка и лирической прозы.

Разумеется, путевые очерки Нефедова остаются текстом, принадлежащим к беллетристике, но это не умаляет их познавательной ценности и значения в литературном процессе рубежа XIX–XX веков. Как мы полагаем, этот же статус (подготовительная функция беллетристики) позволяет увидеть в поздненародническом очерке те тенденции, которые в полной мере проявятся в русской литературе начала XX века, в том числе и у больших мастеров жанра травелога.

Литература

Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева,

С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струае, С.Л. Франка. Репринтное издание 1909 г. М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990. С. 5–26.

Берлин И. История свободы. Россия. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Блок А.А. Собрание соч.: В 8 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит. 1962–1963.

Бунин И.А. Рассказы. М.: Изд-во «Правда», 1983.

Вестник знания: Ежемесячный иллюстрированный литературный и популярно-научный журнал с приложениями для самообразования. СПб., 1903–1918.

Горячкина М.С. Художественная проза народничества. М.: Изд-во «Наука», 1970.

Завельская Д.А. Очерк // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 397–436.

Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: В 3 т. Т.2. М.: Республика; ТЕРРА, 1997.

Капустин Н.В. О жизненных истоках и путях воплощения «рабочей темы» в русской литературе 60–70-х годов XIX века (На материале произведений Ф.Д. Нефедова и Н.И. Наумова) // Факт, домысел, вымысел в литературе. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Изд-во ИГУ, 1987. С. 99–108.

Комсомольская правда. 1928. 28 апреля. №99 (884).

Короленко В.Г. Полн. собр. соч. Посмертное издание. Неизданные произведения. Т. XVIII. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1923.

Кусмидинова М.Х. Концепт Волги в историко-культурном развитии России: философский анализ. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Астрахань, 2010.

Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. Т.1. М.: Всес. общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934–1935.

Маркевич Г. Основные проблемы науки о литературе / пер. с польск. М.: Прогресс, 1980.

Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Путешествие и его природная обусловленность // Русский травелог XVIII–XX веков: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 128–141.

Муратов А.Б. Проза 1880-х годов // История русской литературы в четырех томах. Т. 4. Л.: Наука. С. 27–73.

Наблюдатель. Ежемесячный литературный, политический и ученый журнал. СПб., 1882–1904.

Некрасов Н.А. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1980.

Нефедов Ф.Д. Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам // Тр. этнографического отдела Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. М.: Типолитограф. С.П. Архипова и К., 1877. Кн. 4. С. 138–162.

Нефедов Ф.Д. Весною. Очерки и наброски // Наблюдатель. 1894. № 1. С. 119–168.

Нефедов Ф.Д. Весною. Очерки и наброски // Наблюдатель. 1894. № 2. С. 210–254.

Нефедов Ф.Д. В горах и степях Башкирии. Повесть и рассказы. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1988.

Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель. Вып. 5. СПб.: Астерион, 2013. С. 132–138.

Розанов В.В. Русский Нил // Новый мир. 1989. С. 188–231.

Сарбаш Л.Н. «Путешествие по Волге» в русской литературе XIX века: «Куль хлеба и его похождения» С.В. Максимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 158–160.

Сливицкая О.В. Реалистическая проза 1910-х годов // История русской литературы в четырех томах. Т. 4. Л.: Изд-во «Наука», 1983. С. 603–634.

Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277–281.